

Сергей
СНЕГОВ

Под вечными
звездами
В середине века

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
С 53

Серийное оформление АНДРЕЯ РЫБАКОВА

Оформление обложки ВАЛЕРИЯ ГОРЕЛИКОВА

В оформлении книги использованы фотографии
из семейного архива автора.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-25443-5

© С. А. Снегов (наследники), 2024

© Л. Н. Гумилев (наследник), 2024

© Оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство КоЛибри®

В мире иллюзий и миражей

Опыт автобиографии

КОГДА Я ОГЛЯДЫВАЮСЬ СЕЙЧАС НА ПРОЖИТУЮ ЖИЗНЬ, меня заполняет ощущение, что она складывалась не из реальных фактов, а из иллюзий и химер, что ее направляли не точно выверенные практические цели, а фантастические миражи. Особенно это относится к моей литературной деятельности. И в этом, собственно, нет ничего необычного. Ибо маленькие иллюзии и миражи маленькой личной жизни лишь повторяли огромные иллюзии и колоссальные миражи времени, всего того, что именуется нашей эпохой.

В жизни каждого юноши наступает момент, когда он начинает строить планы реального обустройства своего грядущего. Уже в силу возраста, немыслимого без преувеличений и фантазий, в реальность планов неизбежно вторгаются химеры, отражающие сокровенные желания, но не практические возможности. Я не составлял в этом смысле исключения. Я тоже заглатывал кусок шире рта. Я задумал специализироваться сразу в трех областях и во всех добиться выдающегося успеха — первые серьезные иллюзии начинающейся самостоятельной жизни. Три области, выбранные мною для грандиозных свершений, были философия, физика и художественная литература.

Именно этот выбор, отнюдь не случайный, отвечал общественным миражам моего времени, то есть овладевшей всем обществом интеллектуальной моде. В двадцатых—тридцатых годах,

когда старые философские течения отвергались как вражеские заблуждения, во все сферы духовной и материальной жизни, даже в математику и технику, внедрялся победоносный, полностью поглотивший все остальные духовные запросы диалектический материализм.

Модной стала и физика, в ней произошла научная революция — теория относительности, квантовая механика, учение об элементарных частицах материи... Она вдруг превратилась в основу всех естественных наук и предвещала полный переворот в технике, рисовала гигантский мираж скорого и всеобщего материального благополучия.

В своеобразную моду превратилась художественная литература, в ней возник новый стиль, социалистический реализм, — «описание желаемого как явленного», как говорилось в старом религиозном катехизисе, истинном его, социалистического реализма, источнике. Как было не увлечься иллюзией создания этой новой, заранее победной формы искусства!

И я стал усердно совершенствоваться в трех выбранных сферах интеллектуальной деятельности. Изучал труды старых философов и статьи новоявленных мыслителей, запальчиво отвергающих их теории. Поступил на физмат университета и штудировал учебники и трактаты по физике. В промежутках между академическими трудами и сердечными увлечениями — молодость брала свое — нагромождал груды стихов, начал роман об уже пережитом — материала хватало: детские воспоминания о революции, о Гражданской войне, о голоде 1921–1922 годов, когда на улицах валялись трупы людей и мои друзья один за другим умирали от истощения...

Успехи мои сказались прежде всего в философии. Написанный мною трактат «Проблемы диалектики» привлек внимание специалистов. В те годы все совершалось быстро и, вопреки логике, «без достаточных оснований»: меня назначили преподавателем, а сразу затем и доцентом диалектического материализма в том самом университете, где я, двадцатилетний, числился на физфаке студентом. Два года, продолжая учиться, переходя с курса на курс, я «доцентировал» в разных вузах. И на примере

философии впервые понял, что в мое время миражи куда реальной самой реальности.

Знание настоящей философии никому не было нужно, от преподавателя требовалось лишь вдалбливание в мозги студентов догматов новой веры. Я оказался малопригоден для роли популая, тупо повторяющего предписанные формулы. В результате обнаружилось, что я в своих лекциях отклоняюсь от истин марксизма-ленинизма. Мне запретили преподавать идеологические дисциплины и исключили из комсомола. Так я потерпел крушение на первой из выбранных мною дорог и в эпоху партийного господства навеки остался беспартийным. Сначала я тяжело переживал свою идейную второсортность, а потом много лет гордился ею.

Из трех запланированных областей для достижения жизненного успеха осталось две — физика и литература. Я решительно двинулся на их покорение.

К этому времени я закончил физмат Одесского университета, переехал в Ленинград, поступил на завод «Пирометр», продолжал писать стихи и роман, хотя ничего не печатал, задумал диссертацию по теоретической физике. Я не сомневался, что теперь мне уже ничто не помешает. Но уверенность эта тоже относилась к разряду химер. Я не понимал, что, однажды идеологически заклеянный, я уже навеки в каких-то тайных документах числюсь врагом и потому не миную расправы — нужно лишь выждать время, своеобразный инкубационный период, пока скрыто внедрившийся микроб не проявит себя разразившейся болезнью.

Меня арестовали в июне 1936 года в Ленинграде, где в это время заканчивалась после убийства Кирова «чистка» города. И немедленно, как особо важного преступника, отвезли в Москву, на Лубянку, в самую знаменитую политическую тюрьму Советского Союза. Следствие продолжалось ровно десять месяцев — огромный срок по тем временам, быстрым на расправу. Полгода я просидел на Лубянке, четыре — в Бутырках. А в апреле 37-го страшного года, уже в Лефортово, Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила меня к десяти годам тю-

ремного заключения по обвинению в антисоветской деятельности, терроризме и создании контрреволюционной организации.

И потянулись новые тюрьмы: год в Вологде, полтора — в Соловках, а в 1939-м тюрьму заменили на ИТР — исправительно-трудовой лагерь — и вывезли меня вместе с другими соловчанами отбывать оставшийся срок в Норильске.

В Соловецкой тюрьме имелась отличная библиотека, художественная и научная. Неплохой была и библиотека Норильского горно-металлургического комбината, и все свободное время моего заключения я отдавал изучению новых достижений физики, главным из которых было открытие распада ядер урана при облучении их нейтронами. Я усердно читал физические статьи в журналах и меньше всего мог предполагать, что в дальнейшем мне предстоит лично познакомиться почти со всеми нашими крупными атомщиками, в том числе Зельдовичем и Харитоном, что письма Зельдовича ко мне составят целый архив, который когда-нибудь представит большой интерес для историка науки, что с первооткрывателем ядерной энергии Фрицем Штрассманом я вступлю в длительную, до самой его смерти, переписку — и она будет использована в юбилейных научных публикациях по случаю 50-летия открытия нейтронов.

После войны в Норильске было начато строительство дейтериевого завода. Я уже два года числился в его дирекции, когда выяснилось, что требуемых на первую очередь завода 100 тысяч киловатт мощности получить невозможно. Решили вместо электролиза воды применить термосепарацию по методу Фольмера, оказавшегося после войны в СССР. Я объявил начальству, что термодиффузия мне совершенно неведома, — и в действие вступили мои тяжелые судебные статьи. Ими можно было пренебречь, пока я был специалистом, но брать на руководящую работу человека с такими статьями, когда он сам объявляет о своей некомпетентности в новом методе, считалось политически недопустимым. Я сдал свои дела инженеру Яковенко — милому парню, по специальности водопроводчику, то есть разбиравшемуся в тяжелой воде примерно так же, как я в китайской лингвистике.

Строительство завода продолжалось еще года два, когда стало ясно, что термодиффузия не пошла. Яковенко покончил с собой. Я шел на кладбище за его гробом. Думаю, перед тем, как он пустил себе пулю в лоб, у него зловеще поинтересовались: «А по чьему вредительскому заданию вы сознательно провалили пуск важнейшего оборонного предприятия?»

На строительство завода тяжелой воды были потрачены сотни миллионов рублей, на его демонтаж ушли еще многие десятки миллионов. В 1987 году я приехал в Норильск в качестве гостя города. Даже следов от гигантского сооружения — по проекту чуть ли не крупнейшего в мире — я не обнаружил на бывшей стройплощадке.

Спустя много лет я спросил Василия Семеновича Емельянова, одного из сотрудников Берии в Комитете по атомной энергии, как они допустили строительство колоссального предприятия по еще не испытанной в производстве технологии? И получил неожиданный ответ:

— Сам Фольмер, знаете, возражал против использования его метода без предварительного испытания в полувальном масштабе. Но его помощник донес, что Фольмер, в прошлом нацист, не хочет, чтобы Советы пользовались его достижениями. И это решило все сомнения. Шли на риск. Не только с этим заводом рисковали. Надо было спешно создавать свое собственное ядерное оружие.

Пока шло срочное строительство, а потом столь же срочный демонтаж тяжеловодного завода, я продолжал исследования по физике дейтерия. В результате получилась статья «Теоретические основания процесса разделения изотопов водорода при электролизе», где я вывел математическую теорию получения дейтерия. Начальник металлургических заводов Норильска Алексей Борисович Логинов уезжал в это время в командировку в Канаду и захватил с собой два экземпляра статьи — для Академии наук и научных «ящиков» Министерства госбезопасности. Из академии ответ прибыл быстро. Член ее президиума Александр Наумович Фрумкин написал мне: «Ваши исследования представляют значительный интерес для науки». (Когда в 1950 году я при-

ехал в Москву, он подтвердил при личном свидании эту оценку.) Встал вопрос о моем переезде в столицу для работы в одном из ядерных «ящиков».

Решение МГБ было иного рода — и заставило меня резко порвать с наукой. Логинов пробыл в Америке около года и вернулся в Норильск главным инженером комбината. Он вызвал меня в свой новый роскошный кабинет, приказал секретарше никого к нему не пускать и поделился привезенными из Москвы новостями:

— Знаю о положительном приеме вашей работы московскими специалистами. Говорил о вас и в нашем министерстве. В частности, был у Мамулова, заместителя Лаврентия Павловича Берии по ГУЛАГу¹. Говорят, он по пьянке как-то хвастался: «Я император всей лагерной империи — вот я кто теперь!» Так он вас знает, Сергей Александрович, — и это очень нехорошо! Он мне сказал: «Этот гад, этот твой физик, понимал, конечно, что завод по новому методу не пойдет. Но ничего нам не сказал, притворился некомпетентным. В результате — завод демонтируем. Никогда ему не простим этого! Сейчас он написал какую-то работу. Наверное, подыскивает способ передать ее в Америку самому Трумену».

— Какой вздор! — не выдержал я.

— И я сказал Мамулову: где Трумен, а где Норильск? «Недооцениваешь врага! — ответил он. — Эти сволочи на все способны. Ничего, мы ключи к нему подбираем. Выйдет ему боксом притворство с некомпетентностью!»

— Ваше мнение, Алексей Борисович? — спросил я.

— Не мнение, а дружеский совет. И притом категорический. На время прекратите все научные разработки. Спрячьте все рукописи с расчетами. Наука для вас временно закрывается. Когда обстановка изменится, я первый вам сообщу об этом. И предоставлю все условия для продолжения научной работы. А пока вам открыты только две жизненные возможности: пить

---

¹ ГУЛАГ (Главное управление исправительно-трудовых лагерей) — подразделение НКВД СССР, МВД СССР, Министерства юстиции СССР, осуществлявшее руководство местами заключения в 1930–1959 годах. — *Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примеч. сост.*

водки — сколько влезет, заводить баб — сколько посчастливится. Эти два занятия не запрещены.

Вернувшись от Логинова домой, я напился. Второй раз в жизни я пил в одиночестве. И на другой день не пошел на работу, а положил на стол чистый лист. Окно было завалено снегом. Я написал сверху на листе: «Сергей Снегов» — и пониже, такими же крупными буквами: «Северные рассказы».

С научными иллюзиями было навсегда покончено. Мираж великой научной карьеры, столько лет увлекавший меня, расплылся и пропал. Из трех намеченных в детстве дорог осталась только одна — литература. Я вступил в новый мир, полный своих ослепительных химер и своих неосуществляющихся миражей.

Для справедливости добавлю, что вскоре после смерти Сталина Логинов, уже начальник Норильского комбината, позвал меня обратно в науку, предложив возглавить опытный металлургический цех. А когда я отказался — уже шли переговоры с журналом «Новый мир» о публикации моего первого романа «В полярной ночи», — устроил мне полугодовую командировку в Москву для доработки и редактирования романа. Сам он без разрешения министерства имел право давать московские командировки своим работникам только на десять дней, он и написал мне такую, но потом телеграфно продлевал ее ровно восемнадцать раз. До сих пор я сохраняю с этим замечательным человеком, уже глубоким стариком, самые теплые отношения.

Бодрое движение по новой — литературной — дороге сразу же натолкнулось на реальные непреодолимые препятствия. В стране начались гонения на прежних политических заключенных: кого, освобожденного, снова сажали в лагерь (так поступили со Львом Николаевичем Гумилевым, с которым я подружился в Норильске), кого, отобрав паспорт, и без того полный бытовых ограничений, объявляли бессрочно ссыльным. Я попал в эту вторую категорию. Печататься мне, ссыльному, лишенному советского паспорта, нечего было и мечтать.

Я написал Твардовскому, тогда редактору «Нового мира», о своем положении и попросил вернуть уже прочитанную им рукопись романа. От имени Твардовского и от себя лично мне ответил заместитель редактора Сергей Сергеевич Смирнов: мол,

правовое положение автора не имеет отношения к литературе и они не отказываются от намерения напечатать роман. Такие заявления в 1952 году, при жизни Сталина, требовали незаурядного человеческого мужества. Но были не больше чем иллюзией: журналу, конечно, не разрешили печатать «В полярной ночи».

После смерти Сталина с меня, как и со многих других, сняли ссылку, а летом 1955 года, на Пленуме Верховного суда СССР, реабилитировали, восстановив во всех гражданских правах. Я радовался новообретенному чистому паспорту, как один мой предшественник — подаренной ему писаной торбе. И не сразу понял, что и реабилитация несет в себе иллюзорность: для партийных властей я по-прежнему был отмечен опасным клеймом «бывший заключенный».

В «Новом мире» в это время Александра Твардовского сменил Константин Симонов. И он, и его заместитель Александр Кривицкий прочитали мой роман, третий год бесцельно пылившийся в редакционном «хламовнике», и решили его опубликовать. В 1957 году роман «В полярной ночи» появился в печати, заняв свое место в четырех номерах журнала. Он был написан в духе времени, в стиле господствующего социалистического реализма, то есть полон благопристойного искажения действительности. Я не позволил себе прямо лгать о язвах своего времени — просто умалчивал о них. Художественная ложь романа была в умолчаниях, а не в описаниях, и я даже гордился, что мне удалось честно рассказать о главном его герое — суровом и мощном Севере.

Появление романа в самом престижном тогда журнале странно принесло мне радость и печаль. Радость была в том, что я утвердился на единственной оставшейся мне творческой дорожке, а печаль — в ограничениях, какие я наложил на себя. Я был обложен цензурой, как раньше колючей проволокой. Выбранный мной способ умолчания о фактах, вместо того чтобы лгать о них, узко ограничивал доступные мне сюжеты и темы. В течение десяти последних лет один за другим появлялись мои новые романы, повести и рассказы, в них не было лжи, но отсутствовала и широта — все те же предписанные самому себе

ограничения. Сюжеты мало соответствовали моим желаниям и возможностям, в конце концов мне стали скучны мелкие темы. Однажды я выбрался в океан, чтобы написать о жизни современных рыбаков. Я рассказал о реальном бытии на промысле в романе «Ветер с океана». Секретарь обкома партии потом мне внушительно выговаривал: «Не то. Нам нужно то, что нам нужно. Прочтут вашу книгу юноши — и в океан не захотят. Зачем это нам?»

Я понял, что и художественная литература не дает мне творческого удовлетворения. Она тоже становилась одной из форм миража.

Но жить как-то было нужно. О большой книге лагерных рассказов, написанной в конце сороковых — начале пятидесятых годов и принятой в кратковременную оттепель журналом «Знамя», но так и не увидевшей свет, в нынешние времена лучше было забыть. Я вспомнил, что когда-то был физиком и даже отдаленно коснулся ядерных проблем. Почему не написать ради денег книжицу о том, как физики Запада шли к открытию атомной энергии? Все события будут изложены по опубликованным статьям и книгам, нашей цензуре не найдется повода вмешиваться со своими запретами. Так появился «Прометей раскованный. Повесть о первооткрывателях ядерной энергии». Книга была вполне компилятивная, но написанная, как говорят, живо и стройно. В ней я разрешил себе единственную вольность: описал характеры главных героев — Резерфорда, Бора, Ферми, Жолио-Кюри, Штрассмана, Силарда и других знаменитостей — не так, как они юбилейно изображались, а такими, какими они представлялись мне самому.

Книга вышла в «Детской литературе» в 1972 году и предназначалась для учеников старших классов. Больше всего я опасался, что ее прочтет какой-нибудь дотошный учитель физики, обнаружит ошибки — а ошибки в ней были, ибо были и в тех материалах, какие я использовал, — и напишет строгое обвинение в издательство или ЦК партии, случаи такие встречались. Но ни обвинительных, ни хвалебных писем от учителей и детей не поступило — книгу как бы вовсе не заметили те, для кого она писалась.

Зато совершенно неожиданно она привлекла внимание тех, кому абсолютно не была предназначена. Мне в Калининград позвонил академик Яков Борисович Зельдович и попросил приехать в Москву для разговора. Этот первый разговор продолжался больше часа. Зельдович спросил: не кажется ли мне, автору интересной книги о западных ядерщиках, что такую же стоит написать и о советских первооткрывателях ядерной энергии? Но придирчивое рассмотрение возможностей убедило и меня, и Зельдовича, что с моим прошлым не преодолеть всех затруднений — даже если он возьмется мне помогать. Я расстался с ним, очарованный добрым приемом и тем, что познакомился не просто с великим физиком и космологом, главным теоретиком нашего атомного проекта (три «Золотые Звезды» Героя Социалистического Труда свидетельствовали о его заслугах; только семь человек в стране имели это отличие, из них двое были самолетостроителями: Ильюшин и Туполев), а и с остроумным человеком, мыслителем широкого кругозора. Но, уезжая домой, я был абсолютно уверен, что книги о советских ядерщиках мне не писать.

Спустя некоторое время я получил телеграмму от другого академика и Героя — правда, с одной «Звездой» — Георгия Николаевича Флерова. Телеграмма извещала, что он восхищен моей книгой и незамедлительно ждет меня в Дубне, где в Объединенном институте ядерных исследований руководит циклотронной лабораторией с самым крупным в мире ускорителем ядерных частиц. Флеров славился не только фундаментальными открытиями в физике ядер, но и необычайной энергией и настойчивостью. Он быстро оборвал все мои колебания и рассеял сомнения. Я давно реабилитирован, сталинские репрессии отменены, главное — я физик и писатель, грех не использовать такое неординарное сочетание. Все организационные проблемы он берет на себя, я получу официальное разрешение на книгу о советских ядерщиках и список деятелей нашей атомной эпопеи, с которыми буду знакомиться; мне впервые откроют секретные атомные архивы. Моя задача — узнавать подробности и писать.

Первый список советских атомщиков, врученный мне Комитетом по атомной энергии, ограничивался двумя десятками

фамилий. Впоследствии он непрерывно расширялся и дошел до 120 человек. С главными физиками я встречался по многу раз — обычно у них дома или в институтах Москвы, Ленинграда, Харькова, Дубны, Обнинска... Круг знакомств все расширялся — от мастеров и инженеров на атомных установках до руководителей институтов, бывших и действующих министров и до прежнего заместителя Сталина по Совету министров М. Г. Первухина, одного из руководителей ядерного строительства.

Результатом общения с деятелями нашей атомной эпопеи стала документальная книга «Творцы», опубликованная в 1976 году в трех номерах журнала «Знамя», а затем вышедшая отдельным томом. В ней советские ядерные исследования были описаны до 1945 года — до дней, когда американцы взорвали ядерные бомбы над городами Японии. Вторая часть «Творцов», посвященная научной и производственной разработке советского ядерного оружия, строителям гигантской ядерной индустрии, военной и мирной, также была написана, и журнал «Знамя» публично объявил о ее грядущей публикации. Я закончил и «Повесть об институте», в которой рассказал о людях и трудах Радиевого института, после войны разрабатывавшего проблемы плутония, новооткрытого элемента, составлявшего основу атомной взрывчатки.

Эти две книги так и не увидели свет.

Меня вызвал к себе один из научных руководителей атомного министерства, носившего почему-то название Средмаш — Министерство среднего машиностроения, — хотя его естественней было бы называть Министерством крупного машиностроения, или даже — еще верней — всеуничтожения, и предложил кооперироваться с ними. Как я отношусь к тому, чтобы написанная мной история ядерной промышленности стала официальным документом? Мне раскроют все секретные архивы, но одновременно укажут, на чем следует концентрироваться и что не нужно упоминать. На такой труд можно будет сослаться. Конечно, ни о каком ограничении моего художественного творчества речь не идет. Если мне, скажем, захочется указать, что в день испытания нового ядерного оружия погода была очень холодная и ветреная, а у руководителя ломило голову или, не дай

бог, расстроился желудок, никто и не посягнет на мою творческую свободу.

Я, однако, не согласился на такое узкое понимание свободы. Совместная работа с Минсредмашем не получилась.

Результатом этой беседы было то, что вскоре другой — пониже рангом — работник Средмаша явился в «Знамя» и потребовал немедленной выдачи рукописей и ксерокопий второй части «Творцов». Одновременно была изъята и «Повесть об институте». Три года назад Г. Н. Флеров, незадолго до своей смерти, вновь пытался, учитывая изменение общественной обстановки, добиться опубликования этих двух книг. Но ему разъяснили, что, хоть обстановка и изменилась, разрешения на публикацию все равно не будет.

Свободное описание нашей атомной эпопеи осталось в сфере иллюзий. Я отвернулся и от этого, так поманившего меня, миража.

И тогда мне пришла в голову идея заняться научной фантастикой — единственным видом художественного творчества, который сам основывается на иллюзиях и миражах и поэтому неподвластен цензурным запретам. Я написал первую часть романа, с вызовом названного мной «Люди как боги». Я положил себе следующее задание: пишу о будущем, потому что ни о прошлом, ни о настоящем много не нафантазируешь, а будущее для фантазий открыто; рисую общество, в котором мне самому хотелось бы жить; описываю героев, каких мне приятно было бы иметь в кругу моих приятелей и добрых знакомых, прототипами для них выберу реальных друзей, даже не изменю у многих их настоящих фамилий и имен; одарю их материальным могуществом, о котором боги древности могли бы только мечтать; свергну их в события и пространства и сугубо личного, и космического масштаба; построю сюжет так, чтобы было интересно читать и взрослому мыслителю, и подростку, жаждущему сверхъестественных приключений.

Роман последовательно отвергли четыре издательства: одно калининградское и три московских. Все они сопроводили свои отказы пренебрежительными и уничтожающими отзывами. Книга, по общему мнению, не соответствовала нормам истинно

советских фантастических произведений. Только «Лениздат», в который рукопись попала случайно и без моего ведома — я в отчаянии уже счел попытку стать фантастом очередным миражом, — согласился опубликовать роман «Люди как боги» в одном из своих сборников.

Критики встретили роман весьма сдержанно, объявив его типичной западной «космической оперой». Читатели потребовали второй части, но и этим их настояния не ограничились. Издательство уговорило меня сесть за третью часть эпопеи, и чтобы не браться за четвертую, в развернувшихся звездных приключениях я привел к гибели почти половину героев книги, для продолжения ее осталось слишком мало персонажей.

«Люди как боги» привлекли внимание читателей и за рубежом. Книга четырежды издавалась на немецком языке, дважды на польском, по одному разу на японском и венгерском. Успех ее заставил меня в последние годы сконцентрироваться на фантастических произведениях — повестях и рассказах, впоследствии выходявших отдельными книгами в разных издательствах, переведенных на немецкий, английский, испанский, болгарский, польский, японский, чешский и другие языки... В издательстве «Полярис» готовятся к печати два моих новых, еще нигде не издававшихся научно-фантастических романа — «Хрононавигаторы» и «Диктатор».

Закончив «Диктатора», я вернулся к реалистической прозе — пишу давно начатое повествование о своей жизни, названное тоже претенциозно: «Книга бытия». В ней будет рассказано о главных событиях и интереснейших людях, знакомство с которыми составило содержание моего существования: и о дореволюционном моем детстве, и о днях Гражданской войны, сохранившихся в моей памяти, и о страшном голоде 1921–1922 годов, и о возвращении к нормальной жизни при нэпе, и о первых пятилетках с их бурным развитием индустрии и вторым голодом 1932–1933 годов, погубившим новые миллионы людей, и о правительственном терроризме, тюрьмах и лагерях, которые мне пришлось перенести на своей шкуре, и о не менее бурных послевоенных годах... «Книга бытия» задумана как своеобразное

зеркало эпохи, выраженное в форме событий моей собственной жизни.

В этом наброске своей биографии я часто говорю об одолевавших меня (да и все общество) иллюзиях и влекущих к себе обманчивых миражах. Но отсюда вовсе не следует, что я осуждаю самый факт их появления, совсем напротив. То, что заветные намерения и горячие ожидания на практике оказывались химерами, составляло индивидуальные неудачи моего собственного существования. Но то, что они вообще появлялись — и в мире, и в моей личной жизни, — являлось великим благом. Без иллюзий жизнь становится однотонной. Великие мечты ведут вперед и человека, и человечество. А что они далеко не всегда осуществляются — это всего лишь досадный недостаток. Моя эпоха явила миру огромные химеры, увлекла людей величественными иллюзиями — но и заставила настойчиво стремиться к будущему, расцвеченному миражами. А если за это пришлось платить великими лишениями — так что ж, путь на высоту не бывает без скал и провалов.

Только дорога в ад обходится без них — ведь она вымощена благими намерениями.

Октябрь 1993 года

Начало очень долгого пути

1

Весь 1935 год я прожил в смутном ожидании беды. Ленинград трясла политическая лихорадка. Шли массовые аресты и высылки. Великая очистка славного города от беспощадных врагов советской власти — так эта широко задуманная акция вполне пристойно именовалась в должностных разговорах. А в беседах вполголоса делились слухами об уходящих из города поездах, набитых всяческими социальными врагами: детьми, женщинами и стариками, семьями бывших аристократов и дворян, либеральных профессоров и имперских чиновников, служителей культа и буржуазного псевдоискусства и прочими представителями тлетворного западного образа жизни. И я, сын рабочего, подпольщика-большевика, то есть по крови естественнейший образец государственной добропорядочности, недавно тоже был закономерно сопричислен к кругу этих заклеянных людей.

Два года назад комиссия, проверявшая идеологическое состояние одесских вузов, посетила мою лекцию в университете и обнаружила чудовищные отклонения от истинного марксизма-ленинизма и возмутительные несогласия с испытанной партийной линией. Лекцию квалифицировали как «троцкистский гнило-либеральный уклон». Все тогда публично признавались в ошибках и каялись во множестве поминутно со-

вершаемых грехов. Комсомол и ректорат потребовали от меня покаяния. Я пообещал углубиться в марксизм-ленинизм и отныне полностью проникнуться его духом. То ли от меня ожидали большего, то ли сам мой голос показался неискренним, но меня исключили из комсомола, потом сняли с должности доцента университета и вскоре дали понять, что в Одессе уже не найти подходящего местечка для такой недостойной личности, как я. Я посчитал это указанием свыше перебраться наконец в город, о котором всегда мечтал, и уехал в Ленинград. В Ленинграде мне помогли — я все же по диплому был физиком — определиться на завод «Пирометр» инженером-исследователем по высоким температурам.

Я, конечно, понимал, что сменить один город на другой — дело сравнительно нехитрое, но избавиться от раковой опухоли в биографии уже не удастся. Я стал отщепенцем в родной стране. Я был заранее готов к карам за то, что в чем-то разошелся с общепредрисанными взглядами. Я только вступил в третий десяток жизни, но жизни больше не будет, так я это спокойно понимал, без паники размышляя о грядущем. И даже с каким-то любопытством ожидал, что же вскорости совершится.

А в ноябрьский праздник 1935 года случилось событие, едва не ставшее для меня трагическим. На завод пришла партия платины от немецкой фирмы «Геркус» — что-то около килограмма тонкой проволоки, из нее изготавливали термпары для измерения температур до 1500°. Платиновую проволоку передали мне для оценки ее электрических свойств. Платина была отличного качества, иначе как на «отлично» знаменитая фирма не работала. К концу проверки подошло время обеда. Я позвонил начальнику лаборатории Морозову и сказал, что платину можно выдавать в производство и что я беру ее с собой в столовую.

В столовой обедали в три смены: сперва рабочие одного цеха, потом — другого, а в заключение — всех рангов за-

Снегов С.

С 53 Под вечными звездами : В середине века / Сергей Снегов. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024. — 896 с.

ISBN 978-5-389-25443-5

Сергей Александрович Снегов (1910–1994) — не только известный писатель-фантаст, создающий в своем воображении мир далекого будущего, но и автор автобиографических книг, повествующих о том, что происходило с ним в конкретное время во вполне определенной точке Вселенной: в Советском Союзе, в середине XX века.

Сборник «Под вечными звездами» — своеобразное продолжение его исповедальной «Книги бытия». Здесь Сергей Снегов рассказывает о годах, проведенных в тюрьме, лагере, в норильской ссылке, о нравах, царивших в местах «не столь отдаленных», о людях, с которыми его свела судьба.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СНЕГОВ
ПОД ВЕЧНЫМИ ЗВЕЗДАМИ
В СЕРЕДИНЕ ВЕКА

Ответственный редактор ЕЛЕНА АДАМЕНКО
Художественный редактор ВАЛЕРИЙ ГОРЕЛИКОВ
Технический редактор МАРИЯ АНТИПОВА
Компьютерная верстка МИХАИЛА ЛЬВОВА
Корректоры АННА БЫСТРОВА, ДМИТРИЙ КАПИТОНОВ, НАТАЛЬЯ БОБКОВА

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.04.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 54,88. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака КоЛибри®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — КоЛибри® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербург, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А.
www.pareto-print.ru

A-APR-34433-01-R